

Правительство Мишустина ничем не отличается от своего предшественника, основной задачей которого было «ночь простоять да день продержаться»

[Олег Буклемишев](#)

Михаил Мишустин. Фото: kremlin.ru

Уже считается общепризнанным, что в 2020 году мировая экономика столкнулась с беспрецедентным кризисом – тяжелейший двойной удар был нанесен самой коронавирусной эпидемией и продиктованными ею карантинными мерами. Осмыслив глубину экономического и социального провала, подавляющее большинство правительств – что левых, что правых – широким жестом распахнули казну и принялись направо и налево раздавать деньги населению и бизнесам. Причем редко какая из этих стран до кризиса отличалась сколько-нибудь масштабными резервами, устойчивым бюджетным профицитом или умеренной государственной задолженностью. Иными словами, были оперативно приняты достаточно рискованные меры экономической политики; очевидно, что негативные последствия ковидной щедрости по самому непреложному закону экономики и жизни (о невозможности бесплатных пиршеств) обязательно воспоследуют. Однако, не устрасаясь этих будущих ужасов, правительства по большей части предпочли бороться с угрозами, которые «здесь и сейчас», по мере возможностей компенсируя хозяйственный спад и обвал доходов людей. Но не таковы мы. Российские власти, в активе которых и весомые авуары Фонда национального благосостояния, и сказочно по нынешним временам близкий к нулю государственный долг, поступают ровно наоборот. Никакого риска и ни копейки лишних расходов! Страдая обывателей галопирующей инфляцией 1990-х и утратой накопленных с таким трудом нефтедолларовых резервов, власти

отказались от поддержки экономики, выходящей по объему за рамки догмы «бюджетного правила». Таким образом, во имя сохранения резервов значительная часть страны была переведена на голодный паек. Транспорт и промышленность, торговля и сервис, а с ними и миллионы их работников, субъекты Федерации и муниципалитеты остаются без средств к существованию. Те небольшие бюджетные компенсации, которые предусмотрены для самых пострадавших, не в состоянии даже близко покрыть ущерб.

Хорошо хоть, что еще до пандемии было запланировано некоторое наращивание бюджетных расходов. Правда, чтобы закамуфлировать нарушение бюджетного правила, тогда была затеяна незамысловатая операция по смене собственника Сбербанка – проще говоря, по перекалыванию средств налогоплательщиков из левого кармана в правый. Заметим, что нынешнее правило – уже четвертое по счету и было оно сконструировано все же для сглаживания колебаний более или менее нормального экономического цикла, так что хранить ему неизменную верность на фоне вековых катаклизмов едва ли уместно.

Правительство уверено, что, несмотря на отсутствие весомой поддержки, российская хозяйственная система во второй половине 2021 года преодолит рецессию и вновь перейдет к устойчивому подъему. Скорее всего, так оно и есть, однако обольщаться не стоит: этот рост будет носить чисто восстановительный характер – причем чем глубже окажется нынешний спад, тем более впечатляющим в цифровом выражении будет выглядеть и восстановление. Впечатляющим – но далеко не полным. По всей видимости, даже возврат основных экономических показателей к уровням начала 2020 года займет, как минимум, несколько лет.

В качестве реакции на этот вызов в начале июня правительство [представило](#) президенту «Общенациональный план действий, обеспечивающих восстановление занятости и доходов населения, рост экономики и структурные изменения», содержащий порядка пятисот больших и малых мер. Многие из них вполне разумны и не могут вызывать отторжения у нормального эксперта. Однако в целом этот технократический документ не дает ни малейшего представления о том, каким видится будущее российской экономики чиновникам и за счет каких факторов или механизмов они теперь, в условиях заметно ухудшившейся внешней и внутренней среды, намерены добиваться достижения поставленных целей.

Цифровизация всего и вся? Инвестиции в транспортную инфраструктуру?

Поддержка малого и среднего бизнеса? На всех этих бывалых скакунах до сих пор нам не удавалось ехать достаточно быстро, и нет никаких гарантий, что получится в будущем.

Строго говоря, помимо отметин борьбы с эпидемиологической угрозой и модного цифрового хайпа, план не содержит ничего принципиально нового – очень похожий документ легко мог бы быть принят и пять, и десять лет назад. И здесь правительство Мишустина, как выясняется, практически ничем не отличается от своего предшественника, основной задачей которого было классическое «ночь простоя да день продержаться». В надежде, что все как-то само собой рассосется: цена на нефть подрастет, национальные проекты заработают, за спадом начнется подъем, который затем сам собой ускорится. Без особенных идей. Дальше будет видно.

Между тем, погрязнув в чисто технических мелочах вроде совершенствования национального календаря прививок, правительство умудряется как-то обходить стороной большие и неоднозначные темы в антикризисной политике.

Во-первых, длительность и острота предстоящего кризиса во многом связана с эпидемиологическими и экономическими факторами неопределенности.

Традиционные приемы смягчения этой неопределенности – как для потребителей, так и для инвесторов – включают долгосрочные механизмы государственных гарантий и поддержки спроса. Но с учетом царящего у нас крайнего бюджетного консерватизма не приходится ожидать, что выделенных средств будет достаточно (возможно, за исключением средств для авиапрома и строительства). Как показывает опыт, переключить тумблер в голове управленца с тотальной экономии на более содержательные задачи оказывается непросто. Более того, консерватизм этот посылает сигналы, ровно противоположные необходимым для восстановления: «ведь если правительство считает, что резервы лучше приберечь – значит, твердо знает, что завтра будет не лучше, а хуже» – рассуждает рациональный наблюдатель и воздерживается от текущих трат и капиталовложений.

Во-вторых, инерция мышления во времена «квантового скачка» заведомо проигрышна. Правительство даже не пытается заглянуть в будущее, в дивный новый мир после коронавируса – к дежурным формулам структурных преобразований посредством поддержки экспорта, импортозамещения, инноваций, цифровых платформ, ускорения технологического развития добавлен разве что искусственный интеллект. И много всякой разной «инфраструктуры» – это едва ли не самое часто употребляемое в правительственном плане слово. Зато там нет ни слова о тех производствах, которые по итогам кризиса, вероятно, придется закрывать или реструктурировать (а думать об этом нужно уже сейчас); о частной инициативе и собственности (значит, по-прежнему рулит не Илон Маск, а Дмитрий Рогозин); о конкуренции, которая, по идее, должна являться основным двигателем экономического развития (слово «конкурентоспособность» у нас, вероятно, какой-то другой этимологии). Иначе говоря, российская экономика «завтра» – ровно та же самая, что и сегодня, только в чем-то неумовимо лучше.

В-третьих, еще один термин ни разу не встречается в тексте плана – «потребление». А зря. Сколь бы масштабные и эффективные инвестиционные проекты ни запускало государство (от частных инвесторов сегодня сложно ожидать взрывного энтузиазма), устойчивый рост экономики возможен только тогда, когда домашние хозяйства получают увеличивающиеся доходы и испытывают оптимизм по поводу будущего, позволяющий им тратить деньги и не только, как в карантине, на самые насущные нужды. Между тем, по данным опроса ЦСР, свыше 60% респондентов в мае испытали падение доходов по сравнению с февралем, а продажи автомобилей обрушились до отметок 2006 года. В любом случае, надеяться, что средства, закапываемые в инвестпроектах, быстренько простимулируют потребительскую активность, или что «отскок» реальных располагаемых доходов населения произойдет сам собой, не приходится. Однако никакого альтернативного источника прироста доходов домашних хозяйств в правительственном плане не просматривается. И если дискуссию на перечисленные темы еще можно себе представить, то есть экзистенциальные вопросы, которых власти, по ощущению, просто боятся. Вот лишь некоторые из них:

- как обуздать пандемическое по своему воздействию творчество правоохранительных органов и сделать так, чтобы суд стал местом, где справедливо разрешаются споры?
- каким образом можно вывести российскую экономику из дорогостоящей самоизоляции санкций?
- наконец, чем может быть интересна и важна остальному миру экономика России по окончании – уже весьма скором – углеводородной эры?

Даже если не думать об этом сейчас, для понимания долгосрочных перспектив России и ее экономики и на эти вопросы рано или поздно все равно придется давать адекватный ответ.